

ЛИТОВЦЫ И
ИСТОРИЯ ЛИТВЫ
В РУССКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ XIX В. © Павел Лавринец

Тема древней Литвы и литовцев в русской художественной литературе рассматривалась в ряде работ ученых, главным образом, Литвы, но также и других стран. В исследованиях литературоведов отмечались упоминания Литвы в балладах В. А. Жуковского «Людмила» и «Вадим», изображения литовских воинов в нескольких эпизодах исторических повестей А. А. Бестужева-Марлинского, литературный по своему происхождению сюжет о Юрате и Каститисе в поэме Н. А. Огарева «Царица Балтийского моря», сопоставлялись поэмы М. Ю. Лермонтова «Литвинка» и «Боярин Орша», думы К. Ф. Рылеева «Глинский» и «Курбский»¹. Самыми значительными произведениями русской литературы на тему Литвы признаны переведенные А. С. Пушкиным стихи Мицкевича, благодаря влиянию которого литовская тема получила в русской литературе в целом более широкое отражение. Литва в различных значениях неоднократно называется в первом большом произведении русского поэта на историческую тему, написанном еще до знакомства с Мицкевичем и его поэзией, – в драме «Борис Годунов»².

Ряд исследований посвящен сопоставлению литовских мотивов в творчестве Пушкина и Мицкевича³. Среди них особое место занимают работы о бесспорном шедевре Мицкевича „Trzech Budrysów (Ballada litewska)” и

¹ Сидеравичюс Р. Литва и русский романтизм // Литва литературная, 1983, № 5 (32), с. 148–152, 158–160; Сидеравичюс Р. Русская литература в Литве и о Литве (= Rusų literatūra Lietuvoje ir apie Lietuvą) // Русская литература в Литве: XIV–XX вв. Хрестоматия. Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 1998, с. 163–166; Сидеравичюс Р. А. С. Пушкин и Литва. Вильнюс: Petro ofsetas, 1999, с. 7–8; см. также: Сидеравичюс Р. Творчество М. Ю. Лермонтова в Литве // Межнациональные связи на уроках русской литературы: Сборник статей, сост. Р. Сидеравичюс, изд. второе, перераб. и доп. Каунас: Швиеса, 1985, с. 17–18.

² Сидеравичюс Р. Литва и русский романтизм // Литва литературная, 1983, № 5 (32), с. 152–158; см. также раздел «Литовские мотивы в творчестве Пушкина», Sideravičius R. Aleksandras Puškinas ir Lietuva. Vilnius: Vaga, 1976, p. 10–21; Сидеравичюс Р. А. С. Пушкин и Литва. Вильнюс: Petro ofsetas, 1999, с. 7–14.

³ Пивинский П. Литва и литовцы в творчестве Мицкевича и Пушкина // Словесник, № 3, 1990, с. 21–24; Пивинский П. Литва и литовцы в творчестве Мицкевича и Пушкина // Filologia rosyjska. Nr 29: W kręgu kultury litewskiej. Olsztyn: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1991, с. 47–59.

признанном непревзойденным образце переводческого искусства «Будрыс и его сыновья. Литовская баллада» Пушкина. По отдельности и в сопоставлении они анализировались неоднократно⁴. В частности, тщательный анализ пушкинского текста выявил своего рода реконструкцию реально не существующего фольклорного оригинала – осуществлявшуюся интуитивно, но во многом оказавшуюся верной и таким образом усилившую литовскую национальную основу произведения⁵.

Имеются работы, анализирующие различные аспекты литовской тематики в творчестве отдельных авторов или в отдельных их произведениях. Материалом таких исследований служили мемуарные записки А. Т. Болотова, написанные в конце XVIII в., но впервые напечатанные лишь в 1873 г.⁶, произведения Н. В. Кукольника и, в частности, его роман «Альф и Альдона» (1842)⁷, исторический роман Г. А. Хрущова-Сокольниковца «Грюнвальдский бой» (первый русский роман, переведенный на литовский язык⁸). Рассматривались представления о средневековой Литве и языческих верованиях древних литовцев в беллетристике, переводах, работах по литовской мифологии В. А. фон Роткирха⁹. Охарактеризованы обращения к прошлому Лит-

⁴ См. об истории перевода и его социально-исторических и литературных контекстах: Федута А. Три «Будрыса»: авторский текст – подстрочник – поэтический перевод // *Respectus Philologicus*, 2004 nr. 5 (10), с. 112–119.

⁵ Венцлова Т. К нулевому пра-тексту: заметки о балладе «Будрыс и его сыновья» // Alexander Pushkin: Symposium II, ed. by Andrey Kodjak, Krystyna Ponorske and Kiril Taranovsky. Columbus: Slavica, 1986, с. 78–87. См. более доступные переиздания: Венцлова Т. Неустойчивое равновесие: восемь поэтических текстов. New Haven: Yale Center for International and Area Studies (Yale Russian and East European Publications, No. 9), 1986, с. 43–56; Венцлова Т. К нулевому пра-тексту: заметки о балладе «Будрыс и его сыновья» // Пушкин в литовском литературоведении. Сборник статей, sudarė Rimantas Sidoravičius. Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 1999, с. 107–122.

⁶ Токарева Г. Литовская тематика в мемуарах А. Т. Болотова // *Literatūra*, 33 (2), 1992, с. 3–7.

⁷ Šlekys J. Nestoras Kukolnikas ir Lietuva // Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai, A serija, t. 4 (93), 1985, p. 81–88; Šlekys J. Lietuviška tematika N. Kukolniko kūryboje // Lietuvos literatūros gyvūčiai su TSRS tautų bei užsienio literatūromis. Вильнюс: Вильнюсский государственный университет им. В. Капсукаса = Связи литовской литературы с литературами СССР и зарубежных стран. Тезисы докладов Республиканской научной конференции, посвященной 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. 1–2 октября 1987 г. Vilnius: Vilniaus valstybinis V. Kapsuko universitetas, 1987, p. 149–153.

⁸ См. Сидеравичюс Р. Грюнвальдский бой и его автор // Вильнюс, 1994, № 4 (134), с. 18–23.

⁹ Лавриниц П. Польская литература в творчестве В. А. фон Роткирха // *Literatūra*, 34 (1), 1996, с. 132–141; Лавриниц П. Русская литература Литвы. XIX–первая половина XX века. Учебно-методическое пособие. Вильнюс: Вильнюсский университет, Petro ofetas, 1999, с. 56–64; Laviniec P. Wilno w lokalnej poezji rosyjskiej, tłumaczyła A. Bolek // *Życie literackie i literatura w Wilnie XIX–XX wieku*, pod red. T. Bujnickiego i A. Romanowskiego. Kraków: Collegium Columbinum, 2000 (Biblioteka tradycji literackich Nr. V), s. 265–272.

вы в стихотворных и историко-краеведческих сочинениях П. В. Кукольника, в исторических драмах «Крещение Литвы» (1874) и «Иезуиты в Литве» (1876) А. А. Навроцкого, в автобиографической поэме А. В. Жиркевича «Картинки детства» (1890), в стихотворных произведениях некоторых других, как правило, не достигших широкой известности русских литераторов, живших в Литве в конце XIX – начале XX вв.¹⁰

Впечатления от пребывания в Литве и характерные представления о прошлом края отразились в мемуарных записках Н. А. Дуровой. Кроме того, ей принадлежит первый русский роман на литовскую тему «Гудишки» (1839); некоторые исследователи без достаточных оснований отмечали достоверность бытовых и этнографических подробностей жизни литовского народа в романе¹¹, однако в действительности произведение писательницы обнаруживает скорее незнание, чем знание истории, мифологии и этнографии края¹². В стихотворении Ф. И. Тютчева «Над русской Вильной стародавней...» вскрыта вполне определенная концепция Великого княжества Литовского¹³.

Наиболее общие социально-исторические и политические контексты литовской темы в русской литературе сводятся к художественному освоению прошлого Литвы и литовцев, после инкорпорации территорий Великого

¹⁰ *Lavrincė P.* Rusų netyčinė lietuviybė // *Naujasis židinys–Aidai*, nr. 4 (64), 1996, p. 196–204; *Лавринцев П.* Литовский этнографизм русских литераторов // *Русские Прибалтики: Механизмы культурной интеграции (до 1940 г.)*. Вильнюс: Русский культурный центр, Petro ofsetas, 1997, с. 231–241; *Лавринцев П.* Черты русской культурной жизни в Вильнюсе начала века // *Kultūrinis Vilniaus gyvenimas (1900–1940)*, sud. A. Lapinskienė. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1998, с. 42–44; *Лавринцев П.* Русская литература Литвы. XIX–первая половина XX века. Учебно-методическое пособие. Вильнюс: Вильнюсский университет, Petro ofsetas, 1999, с. 27–37, 45–49, 65–85.

¹¹ *Изергина Н. П.* Н. А. Дурова-писательница // *Кировский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина. Ученые записки кафедр литературы и русского языка*, вып. 29, II, Киров, 1967, с. 84–85; *Турьян М. А.* Дурова Надежда Андреевна // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь*, т. 2: Г–К. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1992, с. 197.

¹² См.: [*Сидеравичюс Р.*] Надежда Дурова // *Русская литература в Литве: XIV–XX вв.* Хрестоматия, с. 280–281.

¹³ *Лейбов Р.* Стихотворение Тютчева и Русская Вильна А. Н. Муравьева // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. Сборник статей, редактор Е. Пермяков. Тарту: Тартуский университет, 1992, с. 144–147; см. также раздел «Тютчев и *Русская Вильна* А. Муравьева» в диссертации того же автора: *Лейбов Р.* «Лирический фрагмент» Тютчева: жанр и контекст. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1999 (*Dissertationes philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis*, 7), с. 61–67; *Одесский М. П.* «Над русской Вильной стародавней...». Литва в «славянской» концепции Ф.И. Тютчева // *Антропология культуры*. Вып. 3. К 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. Москва: Новое издательство, 2005, с. 197–205; *Одесский М. П.* От «Как дочь родную на закланье...» к «Над русской Вильной стародавней...». Литва в историсофии Ф. И. Тютчева // *Балтийские перекрестки: этнос, конфессия, миф*, ред. колл. М. В. Завьялова, Н. Н. Казанский, Т. В. Цивьян, Санкт-Петербург: Наука, 2005, с. 351–366.

княжества Литовского в состав Российской империи ставшего частью ее исторического наследия, общего прошлого народов России. Историко-литературные и эстетические контексты появления литовских мотивов в русской литературы определяются фундаментальными установками романтизма. Романтизм, как известно, отвергал действительность унифицированной рационалистической европейской цивилизации, противопоставляя ей яркую, экзотическую жизнь народов, не испорченных цивилизацией и близких к природе, необычные характеры и странные сюжеты песен, легенд и преданий, героическое прошлое с таинственными обычаями, необыкновенными происшествиями, незаурядными личностями. В русскую литературу романтизм ввел, наряду с кавказской, крымской, финской, экзотичность литовскую, большей частью условную и поверхностную. В произведениях русских романтиков создавался образ поэтичной, воинственной и загадочной Литвы, отечества в прошлом незаурядных героических личностей¹⁴.

В появлении и разработке литовских мотивов представляется бесспорным импульс польского романтизма (А. Мицкевич, Ю. Словацкий, Ю. И. Крашевский). Польская поэзия и романтическая историография были важнейшими источниками исторических сведений и этнографического материала. Другим источником стали выходившие в первые десятилетия XIX в. тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, содержащие множество материалов по истории Великого княжества Литовского, и труды других историков. Бестужев-Марлинский, например, утверждал, что в повести «Роман и Ольга» все исторические лица и происшествия «представлены с неотступною точностию, а нравы, предрассудки и обычаи» он изобразил, «по соображению, из преданий и оставшихся памятников». Помимо Карамзина, писатель ссылался на «Разговоры о древностях Новагорода» (1808) преосвященного Евгения (Болховитинова) и «Опыт повествования о древностях русских» (1818) Г. П. Успенского¹⁵. Н. В. Кукольник не перечисляет источники,

¹⁴ См.: *Сидеравичюс Р.* Литва и русский романтизм // Литва литературная, 1983, № 5 (32), с. 148–149; *Сидеравичюс Р.* Русская литература в Литве и о Литве (= Rusų literatūra Lietuvoje ir apie Lietuvą) // Русская литература в Литве: XIV–XX вв. Хрестоматия. Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 1998, с. 163–164; *Лавринец П.* Польская литература в творчестве В. А. фон Роткирха, с. 137–138; *Lavriniec P.* Die russische Literatur und der litauische Nationalismus // *Literatur und nationale Identität III. Zur Literatur und Geschichte des 19. Jahrhundert im Ostseeraum: Finnland, Estland, Lettland, Litauen und Polen*, Y. Varpio – M. Zadencka (Hg.). Stockholm, (Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia 22), 2000, S. 249–252.

¹⁵ *Бестужев-Марлинский А. А.* Сочинения в 2-х т., т. 1: Повести. Рассказы, сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. В. И. Кулешова. Москва: Художественная литература, 1981, с. 35.

из которых он черпал для романа «Альф и Альдона» «мифологические подробности» («допущенные однако же с некоторой критикой»¹⁶) и сведения по истории Литвы XIV в. Тем не менее из самого текста выясняется, что писатель пользовался «Историей литовского народа» Т. Нарбута, «Исследованием вопроса, какое место в истории России должно занять Великое Княжество Литовское» (1839) Н. Г. Устрялова, двухтомным трудом М. Балинского об истории Вильнюса, первым томом монографии Ю. И. Крашевского об истории Вильнюса, немецкими работами по истории Ордена¹⁷. А. А. Навроцкий предварил драму «Крещение Литвы» (1879)¹⁸ введением в историю Литвы, написанным с опорой на «Хронику» М. Стрыйковского, «Историю литовского народа» Нарбута, монографии по истории Вильнюса Крашевского и Балинского, «Историю России» С. М. Соловьева. В переизданиях 1900 и 1902 гг. дополнения и исправления затронули имена персонажей (Ягелло – Ягайло, Гедвига – Ядвига), а в введение были включены ссылки на другие источники (Н. М. Карамзин, П. Н. Батюшков).¹⁹

Исторические романы, повести, поэмы на литовские темы второй половины XIX – начала XX вв. воспроизводили унаследованные от романтизма краски в изображении характеров князей, вельмож, полководцев, жрецов, экзотичной языческой культуры, воинственности и дикости древних литовцев. Такую устойчивость доминантных мотивов определяли жанровые особенности поэм и романов о прошлом, отличном от настоящего. Постоянство мотивов не исключало использования частных сведений, почерпнутых из вновь появлявшихся учебных пособий, популярных очерков и трудов историков.

Выяснение источников исторических и этнографических сведений в отдельных произведениях уточняет историю их создания и детали творческой биографии авторов, может служить реальному комментированию соответствующих текстов. Комментарий, поясняющий, о каких исторических событиях и обстоятельствах, государственных деятелях и бытовых реалиях идет речь

¹⁶ *Кужальник Н.* Альф и Альдона. Исторический роман в четырех томах, т. 1. Санкт-Петербург: тип. И. Глазунова и К°, 1842, с. 7.

¹⁷ *Šlekys J.* Nestoras Kukolnikas ir Lietuva // Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai, A serija, т. 4 (93). 1985, p. 85.

¹⁸ *Вроцкий Н. А.* [Навроцкий А. А.] Крещение Литвы. Историческая драма в пяти действиях // Русская речь, 1879, кн. IX: сентябрь, с. 1–76.

¹⁹ *Навроцкий А. А.* (Вроцкий Н. А.) Драматические произведения, т. 3: Крещение Литвы, историческая драма в 5-ти действиях, Иезуиты в Литве, историческая драма в 5-ти действиях с прологом в стихах. Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и К°, 1900; *Навроцкий А. А.* (Вроцкий Н. А.) Крещение Литвы, эпизодическая драма в 5-ти действиях и 6-ти картинах, в стихах. Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и К°, 1902.

в тексте, может содержать информацию и о том, насколько изображаемое в художественном произведении соответствует нынешним представлениям о том, что же было «на самом деле». Однако данное исследование не предполагает источниковедческих и текстологических изысканий и сосредоточено на смыслах упоминаний Литвы, литовцев, реалий литовской культуры, на коннотативных значениях²⁰. Предметом такого анализа становятся внутренние отношения элементов имманентной структуры текста и различным образом реализуемые ею фундаментальные оппозиции «своего» и «чужого», «близкого» и «далекого», «настоящего» и «прошлого». Анализ значений литовских мотивов ряда произведений, в том числе хрестоматийных и входящих в школьную лектуру, характеризует совокупный образ Литвы и литовцев, обнаруживает константы в представлениях о прошлом Литвы и отношениях к ней России и русских, воспроизводимые авторами в различных произведениях и, что еще важнее, читателями. Генезис же этих представлений становится при таком подходе второстепенным вопросом.

Пояснить такую методику должны два примера. Первый – эпизод в драме А. Н. Островского «Гроза» (1859), тем более показательный, что тема пьесы отнюдь не предполагает обращения к историческим сюжетам (в отличие, например, от драматической хроники «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский»). В драме под «сводами старинной, начинающей разрушаться постройки» жители приволжского города Калинова беседуют, разглядывая остатки росписи (д. 4, явл. 1):

1-й. А это, братец ты мой, что такое?

2-й. А это Литовское разорение. Битва! видишь? Как наши с Литвой бились.

1-й. Что ж это такое Литва?

2-й. Так она Литва и есть.

1-й. А говорят, братец ты мой, она на нас с неба упала.

2-й. Не умею тебе сказать. С неба так с неба.

Женщина. Толкуй еще! Все знают, что с неба; и где был какой бой с ней, там для памяти курганы насыпаны.

1-й. А что, братец ты мой! Ведь это так точно²¹.

В традиционных школьных интерпретациях эпизод истолковывается как одно из свидетельств невежества обитателей «темного царства» и легкости,

²⁰ О значении коннотативных смыслов см.: *Барт Р. S / Z*, пер. с фр., 2-е изд., исп., под ред. Г. К. Косикова. Москва: Эдиториал УРСС, 2001, с. 35–36.

²¹ *Островский А. Н.* Полное собрание сочинений. В 12-ти т., под общ. ред. Г. И. Владыкина и др., т. 2: Пьесы (1856–1866). Москва: Искусство, 1974, с. 250.

с которой ограниченное сознание удовлетворяется нелепыми и фантастическими ответами, особенно если они подкрепляются ссылкой на всеобщность знания («все знают»). Беседа предстает как «раскрывающая их дикое невежество»; разговор калиновцев отнесен к тем четырем явлениям из 41, которые имеют «последовательно комический характер»²². Интерпретацию дополняют предположения о ложно-этимологической мотивации фантастичного способа вторжения Литвы извне в *свое* пространство: по разумению калиновцев, «Литва» упала с неба, потому что она «литает» (т. е. летает). Такое истолкование закрепилось благодаря канонизированной советским литературоведением статье Н. А. Добролюбова «Луч света в темном царстве» (1860), в которой подчеркивалась фундаментальная косность и замкнутость изображенного в пьесе мирка, пребывающего «в полнейшем неведении об остальном мире»:

«Вы можете сообщить калиновским жителям некоторые географические знания; но не касайтесь того, что земля на трех китах стоит и что в Иерусалиме есть пуп земли, — этого они вам не уступят, хотя о пупе земли имеют такое же ясное понятие, как о Литве, в «Грозе». <...> «А говорят, братец ты мой, она на нас с неба упала», — продолжает первый; но собеседнику его мало до того нужды: «ну, с неба так с неба», — отвечает он... Тут женщина вмешивается в разговор: «толкуй еще! Все знают, что с неба; и где был какой бой с ней, там для памяти курганы насыпаны». — «А что, братец ты мой! Ведь это так точно!» — восклицает вопрошатель, вполне удовлетворенный. И после этого спросите его, что он думает о Литве! Подобный исход имеют все вопросы, задаваемые здесь людям естественной любознательностью»²³.

А. А. Григорьев, напротив, в рассматриваемом эпизоде отказывался видеть обличительную сатиру. В статье «После Грозы Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу. Письмо первое. Неизбежные вопросы» (1860) критик, полемизируя, прежде всего, с Добролюбовым, писал:

«Горькое и трагическое в том, что «царь Фараон из моря выходит» и что «эта Литва — она к нам с неба упала»²⁴.

Иное истолкование того же эпизода формируется выводимым из самого текста пьесы противопоставлением «своего» и «чужого», в котором «свое» включает в себя идею национальной исключительности и принадлежности к

²² *Ревякин А. И.* «Гроза» А. Н. Островского. Пособие для учителя, издание третье, исправленное и дополненное. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1962, с. 190, 207.

²³ *Добролюбов Н. А.* Русские классики: Избранные литературно-критические статьи, издание подготовил Ю.Г. Оксман. Москва: Наука, 1970 (Литературные памятники), с. 264–265.

²⁴ *Григорьев А. А.* Искусство и нравственность, вступит. статья и коммент. Б. Ф. Егорова. Москва: Современник, 1986 (Б-ка «Любителям российской словесности. Из литературного наследия»), с. 243.

православию, а «чужое» понимается как заграничное, враждебное и вместе с тем дьявольское, адское. Иноземные страны или нации «равно отвратительны все, потому что все – чужие», чуждость носит религиозный и едва ли не метафизический характер, поэтому Литва не случайно изображена на стенах разваливающейся постройки рядом с геенной огненной и в таком соседстве жители провинциального русского города ничего странного не видят²⁵. В одном из новейших исследований убедительно показано, что в русской драме господствуют законы природы и слепая историческая судьба, а не осуществляемое в борьбе интересов и воли антагонистов историческое деяние. Поэтому про историю помнят, однако «как о баснословном предании, едва ли не мифе, в котором все само собою разумеется: Литва она Литва и есть; *все знают, что она с неба упала*». Уездный или заштатный город соотнесен не с Петербургом (он не упомянут в пьесе), а с Москвой, поскольку в культурном отношении он «принадлежит не Российской империи, а Великому княжеству Московскому: ведь это именно Москва воевала с Литвой, а остальная Великая Русь, и в том числе Калинов, помогала ей»²⁶.

В такой перспективе рассматриваемый эпизод предстает разговором «о широко понимаемом времени», а соседство Литвы с геенной получает другое объяснение:

«Росписи изображают геенну огненную — явление вечное, вневременное — и литовское разорение — реальное историческое событие, имевшее место сравнительно недавно, 250 лет назад. Но Литва, как уже говорилось, понимается беседующими не исторически, а мифологически: Литва она Литва и есть, она на нас с неба упала. Видимо, жителям Калинова затруднительно иметь дело с историческим временем, и они превращают его в более привычное мифологическое, в направлении вечности. Становится понятным, почему битва с Литвой соседствует на стене галереи и в тексте трагедии с образом геенны»²⁷.

Приведенные наблюдения в различных аспектах нюансируют атрибуты Литвы в «Грозе» Островского как феномена «чужого» в пространственном, временном, конфессиональном, национальных отношениях: она враждебна, вступает в битвы, несет разорение, исключена из «нашего» времени, поскольку относится далекому прошлому, и принадлежит чуждому пространству, — даже и не иноземному, а веземному, «небу», откуда она и «упала на нас», обладая свойством вторгаться в наше пространство непостижимым, фантастическим образом.

²⁵ Вайль П., Генис А. Родная речь. Уроки изящной словесности. Москва: Независимая газета, 1991, с. 104.

²⁶ Шукин В. Заметки о мифопоэтике Грозы // Вопросы литературы, № 3, 2006, с. 181, 184.

²⁷ Там же, с. 190.

Другой пример – две баллады В. А. Жуковского. Его «Людмила» (1808), как известно, является переработкой баллады Г. А. Бюргера «Ленора» (1773). В немецкой балладе жених Леноры гибнет в войске прусского короля Фридриха II во время Семилетней войны (1756–1763) в битве под Прагой (1757): “Er war mit König Friedrichs Macht / Gezogen in die Prager Schlacht“). Мертвым Вильгельм приезжает из Богемии (“Weit ritt ich her von Böhmen“) и увозит Ленору за сотню миль (“hundert Meilen“) в тихий и холодный приют в шесть досок и две досочки²⁸. Привязка сюжета к современным событиям в балладе Бюргера замещается у Жуковского отнесением, по неоднократно повторяемым в переизданиях комментариям, к «Ливонским войнам XVI–XVII вв.»: жених «с грозной ратию славян» гибнет «в далекой стороне»; его *тесный дом* – «близ Наревы», «Там, в Литве, краю чужом»²⁹, и уже оттуда, с того света, он мертвым возвращается за своей невестой.

Сходными чертами чужой, далекой и враждебной, но не вовсе потусторонней страны наделена Литва в балладе Жуковского «Вадим» (1814–1817; первая публикация 1817): заглавный герой, новгородский витязь, в приднепровском лесу сразил вооруженного дубиной великана, похитившего девушку. Красавица оказалась киевской княжной, которую увидел не в добрый час «литовский князь, / Враг церкви православной», и велел похитить; красавицу ожидала безутешная тоска в «чужой стране»³⁰. В сопоставлении с благородным конным и вооруженным мечом новгородским витязем литовский исполин с дубиной, в медвежьей шкуре, без коня, дважды названный хищником, уподобленный волку, не прибегающий к членораздельной речи оказывается дикарем; олицетворенные персонажами Русь и Литва противостоят в конфессиональном, моральном, цивилизационном планах. Замечание о том, что в двух балладах Жуковского «очень неопределенно изображена средневековая эпоха – войны литовских и русских феодалов»³¹, не исчерпывает характера упоминаний Литвы и не вполне точно в обозначении времени: свя-

²⁸ *Bürger G. A. Sämtliche Werke. Neue Original-Ausgabe. In vier Bänden. Erster Band. Göttingen, 1844, S. 55, 59–60.*

²⁹ *Жуковский В. А. Сочинения. В 3-х т., т. 2: Баллады; Поэмы; Повести и сцены в стихах, сост. и коммент. И. М. Семенко. Москва: Художественная литература, 1980, с. 7–10, 455. Уместно отметить, что П. А. Катенин в своей версии той же баллады хронологически приближает события, однако все же относит их если не в отстоящую на два столетия глубину лет, то на век: в балладе «Ольга. Из Бюргера» (1816) битва под Прагой заменена Полтавским боем (1709) и страна чужая стала «Украиной дальней» (*Катенин П. А. Избранные произведения, вступит. ст., подготовка текста и примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер. Москва–Ленинград: Советский писатель, 1965 (Библиотека поэта. Большая серия), с. 91–92.*)*

³⁰ *Жуковский В. А. Сочинения. В 3-х т., т. 2: Баллады; Поэмы; Повести и сцены в стихах, сост. и коммент. И. М. Семенко. Москва: Художественная литература, 1980, с. 105–108.*

³¹ *Сидеравичюс Р. А. С. Пушкин и Литва. Вильнюс: Petro ofsetas, 1999, с. 7.*

занный с Литвой сюжет отнесен в особое балладное прошлое, аналогичное размытому эпическому прошлому калиновцев в драме Островского. Литва – источник угроз и опасностей, ассоциируется с враждебностью, агрессивным иноверием и негативно маркированной дикостью. Характерной деталью облика литовца, кочующей из произведения в произведение, стала медвежья шкура: исполин в «Вадиме» «С медвежьей кожей на плечах, / С дубиной за плечами<...>», «медвежьи шкуры веют на левых плечах, орлиные крылья шумят за спиной» литовских конников в повести А. А. Бестужева-Марлинского «Роман и Ольга» (1823)³², литовцы юные «С медвежьей кожей на плечах, / В косматой рысьей шапке <...>» в пушкинском переводе вступления к «Конраду Валленроду» («Сто лет минуло, как тевтон...»; 1828).

Избранный в данном исследовании аспект анализа литературного материала позволяет не рассматривать ни социально-исторический контекст и генезис представлений о Литве как медвежьем крае, легших, среди прочего, в основу сюжета новеллы П. Мериме «Локис»³³, ни влияние польской литературной традиции, но сосредоточиться на значениях этой детали. Они сводятся к акцентированию необычности, своеобразия древних литовцев, в частности, посредством актуализации оппозиции «свое» – «чужое», в которой *чужое* ассоциируется с природой и может пониматься как естественность, дикость, нетронутость человеческой культурой, что определяет их место на периферии, – если не вовсе за пределами, – цивилизации и человеческого рода. Более того, медвежья шкура оказывается знаком причастности к потустороннему, загробному миру, поскольку медведь и его атрибуты в славянских языческих представлениях выступают манифестацией и атрибутами владыки царства мертвых³⁴, и корреспондирует с другими признаками культурных, конфессиональных, этических характеристик литовцев и древней Литвы.

В упомянутой повести Бестужева-Марлинского литовцы – то враги (ср. перечисление битв «с богатырями железными, с суровыми шведами, с дикими половцами и литовцами»³⁵, то союзники³⁶; в Новгородской земле нахо-

³² *Бестужев-Марлинский А. А.* Сочинения в 2-х т., т. 1: Повести. Рассказы, сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. В. И. Кулешова. Москва: Художественная литература, 1981, с. 46.

³³ *Bumblauskas A.* Senosios Lietuvos istorija 1009–1795. Vilnius: R. Paknio leidykla, 2005, p. 436–437.

³⁴ *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). Москва: Издательство Московского университета, 1982, с. 86–117, 163–166.

³⁵ *Бестужев-Марлинский А. А.* Сочинения в 2-х т., т. 1: Повести. Рассказы, сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. В. И. Кулешова. Москва: Художественная литература, 1981, с. 39.

³⁶ Там же, с. 44.

дят прибежище мятежные литовские князья, владения которых захватывает «братоубийца Витовт». Запятнавший себя «клятвопреступством», «забрызганный кровью наших одноземцев», Витовт извел Скиригайлу и Нариманта; «роскошный на обеты и угрозы», он «любит греться у чужого пожара». С другой стороны, Витовт – союзник и зять великого князя московского Василия Дмитриевича, вместе они воюют против немецкого ордена меченосцев; Витовт титулуется себя «князь Чернигова, князь Белой и Червонной Руси, земли витязей и всей Литвы» и называет себя «новым братом по вере» новгородцев³⁷. Часть упоминаемых имен литовцев звучит экзотично (Витовт, Наримант, Ямонт, Скиригайла), – в отличие от литовского князя Патрикия, сына Нариманта, «которому новгородцы дали в управление приневские земли». Литовцы хорошо экипированы: легкие кольчуги до колена, бобровые прильбицы, кривые сабли, «копья, увенчанные полосатыми значками», «лядунки с снарядом огнестрельным», «едва виденные дотоле самопалы» и курящиеся фитили в жестяных трубках, высокие сафьяновые седла, «убитые золотом, увешанные корольковыми кисточками и ременными плетями», «медвежьи шкуры веют на левых плечах, орлиные крылья шумят за спиной». Удалые наездники, они «дивят народ своим проворством» – «гарцуют и с воплем скачут по полю, крутят дротиками, мечут и ловят их на полете»; «покинув повод на шею послушных бегунов», самопалами, «как перуном, рязят перелетных ласточек»³⁸.

В повести о средневековой Ливонии «Замок Венден» (1823) упомянуты «литовские кони» и «крымский жеребец», что поясняется в авторском примечании: рыцари покупали коней у литовцев, а те, «имея стычки с крымцами», могли поставлять немцам и «лошадей крымской породы»³⁹. В повести встречается название жреца и имя языческого бога («мстительный вайделот» призывает чарами «адских духов на стубу пришельцев – разрушителей Перкуна»), но в примечании автора вайделоты названы «жрецами и вместе волхвами эстонскими»⁴⁰.

События повести «Изменник» (1825) относятся к Смутному времени; упоминаемые здесь литовцы находятся «под начальством удалого Лисовского, который с русскими и казаками идет к Сапеге». Показательна их беглая характеристика в пестрой «смеси народов» в лагере Александра Юзефа Лисов-

³⁷ *Бестужев-Марлинский А. А.* Сочинения в 2-х т., т. 1: Повести. Рассказы, сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. В. И. Кулешова. Москва: Художественная литература, 1981, с. 47–50.

³⁸ Там же, с. 46.

³⁹ Там же, с. 70.

⁴⁰ Там же, с. 74.

ского, одного из военачальников Лжедмитрия II, как «полудиких литовцев», приведенных «панам на разбой и убой»⁴¹.

Действие романа Н. А. Дуровой «Гудишки» погружено в неопределенно далекую («очень давно») эпоху. Давняя пора, «когда Литва еще была «Литвою» и имела множество богов везде и для всего, то есть: была еще Княжеством и поклонялась идолам»⁴², воссоздается в рассказе ученого раввина, услышанном автором. Прошлое безвозвратно минуло, что особенно подчеркнуто в финале: спустя некоторое время после описанных событий «из развалин пышного замка» был сооружен «большой господский дом», затем и он развалился, был срыт, на его месте «волнуется золотистая рожь», а замок Торгайлы и все происшествия «давно изгладились из памяти народной»:

«<...> теперешние Литвины, если спросить их, отвечают с глупо-беспечным видом: «а Бог знает, что пане, що тут когдась было! говорят люди, що жила якась мара оттам, где теперь болото»⁴³.

Локализовать во времени события «Гудишек» можно лишь весьма приблизительно: господствует язычество и большим влиянием пользуются жрецы, которые еще «не волновались опасениями, что владычество их ниспровергнется чрез уничтожение идолопоклонства»; безымянный великий князь литовский «был ревнительным язычником»⁴⁴, хотя и «был очень склонен принять христианскую веру»⁴⁵. Такая ситуация могла иметь место еще в середине XIV в. Однако главный герой, отпрыск знатного литовского рода граф Яннуарий Торгайло, тайно принял христианство и часть жизни провел в Кракове; между тем первые княжеские и графские титулы влиятельнейшим литовским родам были пожалованы императором Священной Римской империи в XVI в. Литва и Польша представляются союзными государствами, между которыми, впрочем, случаются ссоры и войны; войне в романе может соответствовать война Свидригайлы с Ягайлой в 1431 г. Имена персонажей большей частью польские (Францишек, маршалек Станислав Клуцницкий, воевода Иоахим Сендомирский, Гедвига Аграновская и другие), лишь некоторые — условно литовские: безумная вешунья Нарина, литвин Рокоч, его

⁴¹ Там же, с. 165, 167.

⁴² [Дурова Н. А.] Гудишки. Роман в четырех частях, сочинение Александрова, ч. 1. Тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1839, с. 10.

⁴³ Там же, ч. 4, с. 213–214. Наречие, на котором изъясняются местные мужики в «Записках кавалерист-девищъ», в передаче Дуровой также «больше напоминает украинский язык», знакомый ей по проведенному на Украине детству ([Сидеравичюс Р.] Надежда Дурова // Русская литература в Литве: XIV–XX вв. Хрестоматия, с. 280).

⁴⁴ [Дурова Н. А.] Гудишки. Роман в четырех частях, сочинение Александрова, ч. 1, с. 74.

⁴⁵ Там же, ч. 4, с. 95.

жена Керелла, дочь красавица Астольда, Воймир, Ольгерд (не исторический Альгирдас, а сын одного из приближенных к великому князю вельмож). Общую картину чужой, несовременной и нерусской жизни, усугубляют вкрапления польских выражений („Iezus! Marya!“), именованя монастыря под Краковом *кляштором*, графа – «ясневельможный hrabia», упоминания «грозного Перкуна» и, главным образом, наделенный сверхъестественными качествами кумир грозного Пеколы, вокруг которого и выстроен готический сюжет романа.

Роман Дуровой отличает полное отсутствие каких бы то ни было русских мотивов. Противостоящее язычеству христианство в «Гудишках» – католичество и *вера польская*, в отличие от литовского язычества: главный жрец требует от героя романа решительного ответа, литвин ли он, «верный богам своим», или поляк, «поклоняющийся Кресту»⁴⁶; великий князь литовский призывает его «возвратиться на родимые поля, под сень отечественных лесов, под защиту сильных богов наших!»⁴⁷, беседу начинает с формулы «кому б вы ни поклонялись, граф! нашему перкуну или Богу христианскому <...>»⁴⁸. В сознании героя структура самоидентификации осложняется несовпадением национальной и государственной принадлежности с конфессиональной:

«<...> если случались какие войны у моего отечества, тогда я тотчас становился под знамена моей родины и не имел нужды веровать идолам, для того, чтоб пролить охотно всю кровь свою за народ, среди которого родился»⁴⁹.

В целом Литва «Гудишек» – чужой (но не враждебный), экзотический и таинственный локус безвозвратно ушедшего былого, память о котором хранят «только жида-арендаторы, и то умные», и «увеселяют или пугают путешественника рассказом» о нем⁵⁰. Это край войн, охот и балов, в которых протекала жизнь знатных литвинов и литвинок – необычайных красавиц, а также край чародейства, фантастических предсказаний, сверхъестественных происшествий. В одноименной вставной новелле «Гудишки», опубликованной в «Добавлениях» к «Запискам кавалерист-девицы» (1839), сходные черты приданы образу края воинственного прошлого и «чарующей таинственности», в котором женщина – владычица, герой, полководец: «Ян Собиеский!.. Валленрод! Альдона!..» – все, что рассказчица читала «о происшествиях этого края, о войнах Литвы», ожило в ее воображении при виде глинистых по-

⁴⁶ [Дурова Н. А.] Гудишки. Роман в четырех частях, сочинение Александрова, ч. 3, с. 199.

⁴⁷ Там же, с. 115.

⁴⁸ Там же, с. 233.

⁴⁹ Там же, с. 109.

⁵⁰ Там же, ч. 4, с. 215–216.

лей, «возделываемых теперь худыми, бедными *chlorami*» с бессмысленным взглядом.

В «Записках» настоящее с его скудной крестьянской жизнью контрастирует с поэтическим прошлым с прекрасными и величественными героями. Бледные худые литвины не похожи на тех, которые «доблестно воевали с рыцарями храма», а «безобразные бабы и девки», «дурные лицом, дурно одетые», – на тех, чья «красота превосходила красоту струй»:

«Литвин мало чем разнится от тех баранов, с которыми живет в одной избе!.. Уж нет тех литвинок, ходивших некогда к Вилии за водою <...>»⁵¹.

В очерке «Гудишки» обращает на себя внимание мотив особого положения и особенного характера литовской женщины – владычицы и героини. Обязанный, по-видимому, прежде всего «Гражине» Мицкевича, этот мотив и его трансформации присутствуют в ряде других произведений. Например, в поэме Лермонтова «Литвинка» (1832) Литва – край, где «вольны девы», вольны и в выборе спутников жизни; героиня, «как ангел брани», участвует в сражении. Пятя, дочь верховного жреца Лиздейко в стихотворной драме «Крещение Литвы» (1874) Навроцкого бежит из отчего дома и меняет веру из любви к рыцарю Тевтонского ордена. Наряя поэмы М. Липкина «Пац и Наряя. Литовское предание» (1886) из-за тяги к свободе томится в монастыре, куда ее отдал на воспитание овдовевший отец; отважная и гордая литвинка участвует в опасных охотах, управляется с могучим арабским конем, владеет луком⁵².

В романе Г. А. Хрущова-Сокольников «Грюнвальдский бой, или Славяне и немцы»⁵³ в княжне Скирмунде горячая любовь к родине и своему народу, ненависть к немцам сочетается с верностью своему чувству, простирающемуся до дочернего непослушания. Скирмунда, чтобы избежать брака с нелюбимым мазовецким князем, дала обет служения богине Прауриме, что предполагает безбрачие. Но, уже дав обет вайделотки, она в «дикой решимости» согласилась с замыслом возлюбленного, смоленского князя христианина Давида, отбить ее по пути в святилище Прауримы в Подунге и бежать с ним. Захваченная крестоносцами, Скирмунда в заточении в замке родила ребенка от воспылавшего к ней страстью комтура; когда же ее освободили войска отца

⁵¹ *Дурова Н. А.* Избранные сочинения кавалерист-девицы, сост., вступит. ст. и примеч. Вл. Б. Муравьева. Москва: Московский рабочий, 1988 (Библиотека «Московского рабочего»), с. 208–281.

⁵² *Липкин [М.]* Стихотворения. Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1888, с. 149, 154–156.

⁵³ *Хрущов-Сокольников Г. А.* Грюнвальдский бой, или Славяне и немцы: Исторический роман-хроника. Санкт-Петербург: В. В. Комаров, 1889.

Вингаллы и дружина князя Давида, то она сама приговорила себя к смерти в огне. В романе «Княжна Острожская. Исторический роман XVI века» (1876) В. Соловьева тем же особенностям социального статуса и поведения литовской женщины дается негативная оценка, поскольку они привели «семейные нравы литовской аристократии» к упадку: женщина «имела многие права и пользовалась большою независимостью», но недостаток воспитания развил «полное отсутствие самоуважения» и она «стремилась только к роскоши и неприличному кокетству»⁵⁴.

В романе Н. В. Кукольника «Альф и Альдона» Литва XIV в. необычна, прежде всего, реалиями незнакомой культуры и далекой эпохи беспрестанной борьбы против «латинских волков». Экзотичность древней Литве придают описания обычаев, обрядов и верований, таинственных языческих капищ и идолов, многочисленные имена божеств (бог дорог Кело, Крумина, Нийола, Поклус, Праурима, «литовский Вах» Рагутис, «литовский Аполлон» Сотварос, «нимфы литовские» дугны, «лешие девы» раганы и медзойны, злые подземные духи барстуки) и героев, исторических (Бирута, Маргер, великий магистр Генрих Книпрое и другие) и вымышленных (Вруба, Вундина, Германада, Калнас, Эйвас), названия служителей культа (вайделоты и «литовские весталки» вайделотки, «литовские вакхантки» рагутницы, жрецы вейктимы, вуршайты, криво кривейто, свальгоны, сигоноты, лингуссоны, тилуссоны, сейтоны – гадалки, умевшие заговаривать болезни) и специфических реалий быта (Вечный Знич, Ромнова, священные рощи, дайны), чужеродная топонимика (Езеросы, Жижморы, Керново, Невяжа, Пилона, Полунга).

Вместе с тем экзотичная и в этом смысле чужая Литва переплетена с Русью и русской православной культурой многочисленными связями, включая родственные: от «одного Рюрика и Станислав киевский и Гедымин литовский»⁵⁵; по словам Ольгерда, у него «в Вильне из русских княжеств три свата и семь невест сидят»⁵⁶. Друг и советчик Гедымина, воспитатель Ольгерда и Кейстута – киевский боярин Цвиркун; при мудром правлении Гедымина Русь «смешалась с Литвою; вносит в быт язычников свои нравы, пролагает пути к принятию христианства»⁵⁷. Между «всеми боярами и князьями литовскими» Гаштольд – единственный «поборник латинской веры», кроме него «не было католиков во всем великокняжестве», а выписанные им фран-

⁵⁴ Соловьев В. С. Сочинения, т. 1: Княжна Острожская. Исторический роман XVI века. Санкт-Петербург: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1887, с. 15.

⁵⁵ Кукольник Н. Альф и Альдона. Исторический роман в четырех томах, т. 1. Санкт-Петербург: тип. И. Глазунова и К°, 1842, с. 42.

⁵⁶ Там же, т. 2, с. 28.

⁵⁷ Там же, с. 149.

цисканцы ненавистны народу, поскольку «латинского креста» «не принимают литвины, бегут от него, или сражаются»⁵⁸.

Культура проникает в Литву из русских земель, из Киева – «всякому книжному разуму гнезда»⁵⁹. Вильно населена литовцами, русскими, немцами, евреями и множеством русских («будто не Литва»⁶⁰). В дружинах Ольгерда «десятый разве Литвин». В его правление в Вильне «чуть не целый сорок церквей, и христианство растет, без принуждения»; за немногими исключениями «все жители Вильна» того времени были православными⁶¹. Изображения светлиц и теремов, в которых, например, Ульяна Александровна беседует с Марьей Константиновной, женой Любарта⁶², или играют в куклы ее падчерицы Наташа и Агрипина, дочь первой жены Ольгерда Марии Витебской, одетые в одинаковые сарафаны, под надзором няни Нимфадоры Власьевны⁶³, предстают картинами скорее русской, чем литовской жизни. В беседах персонажи обращаются друг к другу и других героев называют на русский лад Альдонушка, Бирута Видымундовна, Володимир Гедыминыч, Гедымин Витеневич, Кейстут Гедыминыч, Ольгерд Гедыминович, в речи автора – жена Гапшольда, полька и католичка Анна Бучацкая именуется Анной Осиповной.

Только из политических расчетов и опасения утратить поддержку своих «дикарей» Ольгерд отказывался от «славы крестителя земли Литовской» и намеревался объявить себя христианином тогда, когда он объединит под своей властью русские земли и станет «великим князем всея Руси... от Немана до Волги, от Днепра до Белого моря»⁶⁴. Собственно «знаменитая Литва, от которой все великокняжество носило название», доставшаяся в удел Кейстуту, – бедный, едва заселенный «полудикими людьми» край непроходимых лесов. За ним, «как за неприступным валом», стояло княжество, «составленное из чисто-русских земель и народа, осененного православием». Оно «было богато, вело обширный торг, блистало благолепием храмов Господних, наукой и художествами своего времени», – в отличие от дикого, «как леса его», литовского удела, дремавшего «во мраке невежества» и поклонявшегося «идолам языческой Литвы»⁶⁵.

⁵⁸ Кукольник Н. Альф и Альдона. Исторический роман в четырех томах, т. 1. Санкт-Петербург: тип. И. Глазунова и К^о, 1842, т. 2, с. 68–69.

⁵⁹ Там же, т. 1, с. 47.

⁶⁰ Там же, с. 101.

⁶¹ Там же, т. 2, с. 25, 113–114.

⁶² Там же, т. 3, с. 74–78.

⁶³ Там же, т. 4, с. 24–25.

⁶⁴ Там же, т. 2, с. 28–30.

⁶⁵ Там же, т. 3, с. 10–13.

В языческих святилищах воздвигнуты фантастичные кумиры; например, в подземном храме в глубине заповедного леса: Атримпос, «литовский Нептун», – в виде поднимающегося спиралью огромного змия, отделанного перламутром и янтарем, «с головою молодого человека»; Упина, богиня рек, ручьев и источников, – «в образе женщины средних лет», с льющейся из десяти пальцев водой; Гардеолд, «литовский Эол», – «великан из дерева, облепленный перьями всех известных птиц», с «облепленным кораллами и раковинами» чаном с водой, в которой плавают рыбы⁶⁶. Власть жрецов над «дикарями», «поганью литовской» неумолимо слабела и хитрому кривекривейто Гинтовту приходилось жаловаться Кейстуту на то, что «нет на всей земле литовской ни одного князя литовского; все стали русинами»; «люд виленский молится в церквах русских: все покинули веру предков»⁶⁷. В язычнике Кейстуте надеялись найти покровительство и опору сластолюбивые и коварные жрецы. Один из них, криве Буйтонор, даже соорудил ему алтарь в капище Веллоны «возле алтарей Геллона, Палемона, Альцыса и других полубогов» и начал приносить ему жертвы⁶⁸. В борьбе с покровителями православия Ольгердом и Ульяной жрецы прибегали к преступным интригам и заговорам.

Литва Н. В. Кукольника – это край военных и охотничьих подвигов, где пьют мед и пиво «алус», слушают песни «буртиников», это удивительная страна небывалых приключений, заговоров и измен, с одной стороны, и пылких страстей, высокой самоотверженности и преданности, с другой. В общей картине, помимо сцен пестрого городского быта, дворцовой жизни, походов и боев, языческих обрядов, важное место занимают хитрые жрецы, мудрые и отважные мужи и цельные женские натуры, не знающие преград в верности обету (Бирута), в любви (любовь Вундины к немецкому рыцарю) или мести (княгиня эйрагольская Далия; при молодости и нежном сложении наделена необычайной силой, искусством метать копьё и управлять мечом, «дерзкой решимостью на самые опасные подвиги» и непокорным нравом⁶⁹). Литва оказывается удаленным от читателя во времени и маркированным культурными отличиями пространством борьбы конфессий, в котором языческая дикость постепенно уступала превосходящей православной цивилизации. Чуждый католичеству народ сопротивляется несущим западное христианство не-

⁶⁶ *Кукольник Н. Альф и Альдона. Исторический роман в четырех томах*, т. 1. Санкт-Петербург: тип. И. Глазунова и К°, 1842, т. 3, с. 112–113.

⁶⁷ Там же, т. 2, с. 91.

⁶⁸ Там же, т. 4, с. 48.

⁶⁹ Там же, с. 126–127.

мцам, негативно относится к полякам и евреям, но мирится (за исключением жреческого сословия) с присутствием значительного русского элемента.

Негативно окрашенные дикость и воинственность – основные черты древней Литвы в стихах П. В. Кукольника. В его стихотворении «Александрю Антоновичу Де-ла-Гарде (Гумореска)» (1856) перифрастически обозначен Неман как свидетель «злодейств служителей Христа» – крестоносцев, громивших триста лет «Литовцев-дикарей, под знаменем креста»⁷⁰. В стихотворении «Аделаиде Романовне Гейнрихсен (Воспоминания о Вильне)» (1861) мрачное прошлое представлено двумя аспектами – военного могущества («замки грозные», «мрачные вельмож палаты, / Громадой славные одной», шлемы, кольчуги, латы вельмож и князей, «героев, великанов», сражавшихся с крестоносцами – «с священным ополчением, / Знаменовавшим за Христа / Кровавый путь опустошением») и языческого культа (Знич неугасимый, «бессловесные истуканы», в честь которых «крови пролиты струи», жрецы – «сигеноты, туллисоны / И кровов бесконечный строй», «вайделоты и свальгоны / И тьма прислуги храмовой»). Древняя культовая практика литовцев не соотносится с национальным своеобразием и окрашена (в частности, посредством эпитетики) отрицательно. С жестоким и мрачным прошлым контрастирует благодатное христианское настоящее: в «долине Свенторога» красуется «храм невидимого Бога», кровавые жертвоприношения сменил «бескровной жертвы фимиам»; христианство превосходит язычество и в эстетическом плане: «вместо капищ безобразных» – «Церквей прекрасные строенья».

Различия христианских вероисповеданий в настоящем времени не акцентируются и описание достойных прославления святынь включает и католические, и православные – собор Святого Станислава, икону Остробрамской Божией матери, Свято-Духов и Свято-Троицкий монастыри. Если кафедральный собор утверждает превосходство христианской веры над язычеством, то Свято-Духов монастырь вызывает экскурс в историю борьбы католичества и православия: Сигизмунд, «водимый / Лойолы хитрости сынов», не сумел истребить *веру отцов* в сердцах «верных православья чад». Упоминание хранимых в монастыре мощей великомучеников конкретизирует противопоставление христианства язычеству: три «православия героя» победили «Языческое изуверство, / Насилье, происки жрецов, / Ожесточение и зверство / Небесной истины врагов». Троицкий монастырь напоминает о первом христианском (православном) храме, построенном «в мраке идолослуженья, / Средь изуверства бурных туч», о деятельности ревнителя православия Конс-

⁷⁰ Кукольник П. Стихотворения. Вильно: Тип. А. К. Киркора, 1861, с. 53.

тангина Острожского («Великий вождь Литовских сил»), а хранившаяся в монастыре икона (которой Иван III Васильевич, «Державный великан Москвы», благословил свою дочь Елену на брак с Александром, «Ягайлы внуком») – о несостоявшемся из-за «происков, коварства» и «ненависти вековой» союзе Москвы и Литвы. Униатство трактуется в той же тональности, что и язычество, – как «тьма предубеждения», результат омрачающего влияния «ангела тьмы, раздора». Таким образом к темному прошлому отнесено не только язычество, но и эпоха господства инославия (католичества и униатства) и борьбы православия с католичеством⁷¹.

«Преемник славный Гедимина», «мститель», который «среди Литвы восстал», – так обозначен Витовт, указавший «путь потомству, к обузданию / Насилья хищных», т. е. Крымского ханства, в «Воспоминаниях о Крыме». Истребив «полчища», он собрал «сокровища несметны» и освободил «пленных тьмы». «Креста успехи над луной», однако, были удалены «на три века»: крестоносцы, «под предлогом обращения / Литвы», внесли в нее «убийство, разоренье, / Пожары и грабеж», тем самым спасли от гибели ханство⁷².

Во второй половине XIX в. и в начале XX в. появилось несколько драм, поэм, повестей и романов (А. В. Жиркевича, А. А. Коринфского, М. Липкина, С. Р. Минцлова, А. А. Навроцкого, Вс. С. Соловьева, Г. А. Хрущова-Сокольниковой), изображающих Литву частью как таинственный экзотичный край языческих верований и народных преданий, частью же – как пространство борьбы между западной католической и восточной православной цивилизациями. Темой ряда из них был драматический поворот от язычества к западному христианству в XIV в., борьба Витовта с Ягелло, совместное победоносное выступление двоюродных братьев против крестоносцев. Другие живописуют межконфессиональную борьбу XVI в., с демонизацией «созданной адскою силою» дружины иезуитов, «невидимые стрелы которой были насквозь пропитаны смертоносным ядом»⁷³. Подробный анализ образа древней Литвы в этих произведениях предполагается в другой работе.

Представленный же материал позволяет говорить о том, что образ Литвы в романах, повестях, драмах, поэмах и стихотворениях с исторической тематикой включает в себя мотивы воинственной державы и языческой культуры, с ярко выраженной экзотичностью, – начиная с непривычных имен, незнакомых топонимов, странных и таинственных обычаев. Средневековая

⁷¹ *Кукальник П.* Стихотворения. Вильно: Тип. А. К. Киркора, 1861, с. 76–87.

⁷² *Кукальник П.* Воспоминания о Крыме. Вильна: Печатня А. Г. Сыркина, 1872, с. 9–10.

⁷³ *Соловьев Вс. С.* Сочинения, т. 1: Княжна Острожская. Исторический роман XVI века. Санкт-Петербург: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1887, с. 2, 10.

Литва представляется эпохой незаурядных характеров, глубоких страстей и ярких происшествий (побеги, похищения, заговоры, убийства), междоусобной борьбы и героического противостояния литовцев крестоносцам, часто при участии русских. В романе Н. В. Кукольника, отчасти в повести Бестужева-Марлинского «Роман и Ольга» история Великого княжества Литовского переплетается с историей русских земель; в романе Вс. С. Соловьева «Княжна Острожская» Литва и вовсе Литовская Русь. Необычность древней Литвы заключается также в сильных женских характерах и в особом положении женщины, которая нередко наделяется функцией носителя патриотического сознания. Конфессиональные и культурно-бытовые отличия Литвы, специфичность социальной организации связаны с дикостью древних литовцев, соединяющей представления о простоте и непосредственности чувств, низким уровне культуры, цивилизационной отсталости (подчеркиваемой бедностью, особенно Жмуди) и близости природе.

Помимо экзотического «чужого» литовского язычества, лишь напоминающего о своем прошлом, в образе Литвы присутствует также *чужое* польского католического начала, подчеркнуто чуждого, иноземного, привнесенного с Запада, и отчасти еврейского и татарского элементов. *Чужое* католичества и польской культуры предстает враждебным началом в текстах, начиная со второй половины 1860-х гг. с полемическим акцентированием *своего*, русского / православного характера Литвы. Противопоставление современного состояния героическому и экзотическому прошлому Литвы либо дается вполне эксплицитно, как в стихотворении П. В. Кукольника «Аделаиде Романовне Гейнрихсен», либо едва намечено, как в других произведениях. Современное состояние рисуется благодатным и превосходящим прошлое или нормальным, обыденным, менее поэтичным.

Время в рассмотренных произведениях, эпических по своей жанровой природе либо с сильным эпическим началом, имеет характер замкнутого прошлого. Посредником между настоящим и событиями прошлого может выступить писатель, пересказывающий чужой рассказ, как в романе Дуровой, воссоздающий прошлое по свидетельствам летописцев и трудам историков, как в романе Кукольника. Посредником может быть и поэт, в воображении которого возникают картины литовской древности, навеянные старинными зданиями — свидетелями и хранителями седой старины. Воспоминания привязаны к географически и исторически конкретной части пространства и истории — к эпизоду или периоду истории, к замкнутому в себе и не имеющему продолжения в настоящем специфическому прошлому; настоящее может вызвать воспоминание о прошлом, но не само прошлое.

Безвозвратность прошлого и временную дистанцию подчеркивают перемены. Один из типов таких формул акцентирует необратимость перемен, в которых прошлое исчезает бесследно: от Поневежского леса «благодаря кухням и морозам, не осталось малейшего следа <...>»⁷⁴. Другой тип актуализации временной дистанции образует сопоставление одних и тех же топографических объектов в стародавние времена и в современности: «<...> возвышенность, где теперь лепятся каменные дома <...> Но во время, нами описываемое, кругом по всей этой возвышенности рос мелкий кустарник <...>»; «к священной роще, где ныне Лукишки»; городок, «на месте которого теперь стоит местечко Дуршунишки»⁷⁵ (иногда подобные сведения вынесены в построчные примечания). Былое безвозвратно минуло и полностью замещено настоящим и его новыми реалиями. Древняя Литва предстает давно и безвозвратно прошедшей; литовская тематика раскрывалась исключительно как тематика не подлежащей актуализации глубокой, едва ли не мифологической, и экзотичной древности.

⁷⁴ *Кукальник Н. Альф и Альдона. Исторический роман в четырех томах, т. 1.* Санкт-Петербург: тип. И. Глазунова и К°, 1842, с. 95.

⁷⁵ Там же, т. 2, с. 45–46; там же, т. 3, с. 46.